

Возвращение трансцендентного в постмодерне

В статье концепт «крайность» – extremum - рассматривается в качестве одного из центральных феноменов общества постмодерна. Автор показывает, что метафора «края» пронизывает все сферы общественной жизни современного общества. Автор объясняет ключевое положение «крайности» тем обстоятельством, что она манифестирует собой возвращение трансцендентного в мире постмодерна, противостоящего имманентным структурам общества потребления, мира масс.

Ключевые слова: *Постмодерн, экстремизм, трансцендентное, общество потребления, деструкция, смерть.*

Salnikov Eugene,

Candidate of Philosophy, PhD chief of department of social-philosophical disciplines at the Orel Law Institute of the Ministerium of Interior.

Comeback of transcendence in the postmodern world

In the article the concept of "extreme" – extremum - is viewed as one of the central phenomenons of postmodern society. The author shows that the metaphor of the "extreme" permeates all spheres of public life in modern society. The author explains the key position of "extreme" by the fact that it manifests comeback of transcendence in the postmodern world, opposing the immanent structures of a society of consumption, the world of the masses.

Keywords: *Postmodern, extremism, transcendent, society of consumption, destruction, death.*

Обращаясь к термину «постмодерн», нельзя не заметить его парадоксальности. Постмодерн – дословно – есть то, что после современности. Но что есть после современности, после сейчас? Будущее не может быть сейчас, ибо оно будущее, а не настоящее; является будущностью, а не современностью. Постмодерн есть то, что есть сейчас, будучи тем, что будет после.

Вступив в определенное противоречие с принципами философии языка и философской герменевтики, мы могли бы утверждать, что язык в этом случае оказался несовершенен, что постмодерн нужно понимать в ином смысле, как обозначение нового этапа социальной жизни, получившей «несколько неудачное наименование». Но ведь и другие наименования также оказываются столь же парадоксальными. Постчеловеческая эпоха – как может придти то, что

после человека, когда есть еще сам человек? Язык самоименования постмодерна нарочито противоречив.

В подобной ситуации мы вынуждены признать иной вариант. Парадоксальность постмодерна не случайна. Она таит в себе смысл, скрытую сущность того мира, в котором мы есть.

Вдумаемся еще раз в само слово «постмодерн». То, что после современности; то, что после того, что есть. Где это? Мы не знаем. Но однозначно не в современности, а вне ее. Скажем точнее, за ее границами. За краем современности. Это понятие края, границы возникло не случайно. Оно оказывается очень значимым, и никакое другое слово не может являться более подходящим. Действительно, ведь постмодерн – после современности, но он неразрывен с ней. Как можно не быть чем-то, будучи связанным с этим нечто. Ответ может только один – это край, причем его внешняя сторона. Постмодерн не есть нечто, бытийствующее где-то в неопределенном будущем. Нет, он после, но связан с сейчас. Он причастен сейчас, определяя край этого самого сейчас, этой самой современности.

Должны ли мы считать наши рассуждения абсурдным и случайным скольжением, или они действительно подводят нас к очень важной стороне нашего мира? Вгляди́мся в него пристально, и мы увидим, что метафора края оказывается одной из самых общеупотребительных. Причем край не просто присутствует, а громко заявляет о себе, ставит себя в центр проблем, настойчиво требует своего понимания, осмысления. Край оказывается одним из самых актуальных феноменов нашего мира. Ведь край – это extreme.

Современному человеку оказывается недостаточным тот спорт, который был в мире прежде. И вот возникают экстремальные виды спорта. С точки зрения классического подхода, они спортом не являются и являться не могут. Девизы: «Быстрее, выше, сильнее» или «В здоровом теле – здоровый дух» – здесь оказываются абсолютно неприемлемыми. Экстремальный спорт – это не спорт. Это нечто, что больше спорта, за его гранью. Это экстрим.

Классика предполагает отдых как расслабление или же смену стиля деятельности. Наше время порождает отдых как экстрим. Экстремальные туры, экстремальные виды отдыха получают все большее и большее распространение. Отдыхом теперь является то, что раньше никак не могло с этим ассоциироваться. Насколько отдыхом является полное опасностей приключение? Это не смена деятельности, дарующая расслабление и восстановление сил. Это отдых, находящийся за пределами отдыха. Отдых, который не может являться отдыхом, отдых за гранью отдыха.

Мир потребления чутко среагировал на утверждение края, предложив его в качестве товара массовому потребителю. Телеканал «Русский экстрим» нельзя представлять случайным детищем «испорченного» отечественного эфира. Это калька общей тенденции для мира постмодерна. Ощутить край вживую стоит больших денег и здоровья. Поэтому массовому потребителю мы покажем экстрим по телевидению. Он может не выходить из своей комнаты, обретаясь в мире «Русского экстрима».

В самой философии тема выхода во вне себя, оставаясь самой собой, то есть тема внешней стороны края очень популярна. Проблема, что же есть философия, вставала по ходу обсуждения практически каждого автора из прочитанных нами на семинаре в этом году. Философия – это философия, но, одновременно, и не философия, а, скажем, литература. Философия – это текст в его деконструкции и т.д. Обобщив видных представителей философии второй половины XX – начала XXI веков, скажем: философия есть то, что, являясь собой, обнаруживается вне себя, на внешней стороне собственного края.

Наконец, со всей полнотой, в своей собственной, ни с чем не смешиваемой красоте проблема края предстает в политике, как проблема экстремизма. Более ясно, чем в политике, проблема края не полагала себя ни в одной области человеческих отношений, ни в одной сфере нашего мира.

Таким образом, экстремизм, а с ним и весь мир посмодерна обнаруживает интереснейшую черту, к полному прочтению которой мы только приступаем. Он есть, бытийствует, одновременно выступая за пределы бытия. Он бытийствует, выдвинувшись в ничто. Выдвинутость бытия в ничто – вот, что такое внешняя граница края.

В своих рассуждениях о метафизике М.Хайдеггер указывал, что «выступление за пределы сущего мы называем трансценденцией»[5, с. 22]. Экстремизм являет трансценденцию.

На первый взгляд, это положение не может не породить удивления и недоумения в силу своего противоречия общему принципу изгнания трансцендентного. Двадцатый век – это «приоритет человека вообще, без примет и отличий, человека как такового... Специфика нашего времени не в том, что посредственность полагает себя незаурядной, а в том, что она провозглашает и утверждает свое право на пошлость... Власть в обществе захватил новый тип человека, равнодушный к основам цивилизации» [4, с. 62, с. 72], - писал Х. Ортега-и-Гассет.

«Бог умер», - афористично провозгласил Ф. Ницше. Мир XX века – господство обыденного, посюстороннего, где все становится возможным, а потому о потенциально запредельном вопрос даже не может быть поставлен. Толпа, масса утверждает свои ценности, которые теперь уже не Божественные, а человеческие, имманентные. Открытое демократическое общество явило свою оборотную сторону. Там, где нет преград, нет границ – нет и того, что находится за границей, нет трансцендентного.

Его внезапное обнаружение в экстремизме вызывает сомнения, действительно ли трансцендентное возвращается или же это только наше оригинальное, но беспочвенное скольжение мысли приводит к такому выводу? Можем ли мы обнаружить возвращение трансцендентного еще в чем-либо?

Ж. Бодрийяр говорит о современном обществе как царстве симулякров третьего порядка. Симулякр представляется никак не трансцендентным образованием. Он имманентен. То, что он не подлиннен, еще не делает его запредельным. Напротив, система симулякров будет существовать до тех пор, пока симулякры имманентны. Трансцендентное не может быть симулякром. Оно подлинно и может стать симулякром, только отринув свою

принципиальную запредельность. Обмен истинности на симулятивную природу есть та цена, которую миру необходимо заплатить для того, чтобы стать миром данным. Миром имманентным.

В этом отношении становится очевидным, что Бодрийяр также указывает на возвращение трансцендентного. Его трансцендентное – это смерть. Смерть принципиально не вписывается в систему. «Смерть всегда есть одновременно и то, что ждет нас в конце [au terme] системы, и символический конец [extermination], подстерегающий самое систему» [1, с. 49]. При этом Бодрийяр подчеркивает, что человечество не вправе выбирать, допускать или отказаться от трансцендентного. Смерть, как подчеркивает Бодрийяр, «не мистична и не структурна - она просто неизбежна» [1, с. 45].

И.В. Желтикова говорила об изгнанности смерти в современном мире. Представляется, что ситуация выглядит с точностью до наоборот. Мир мучительно жаждет включить смерть в число привычного ему имманентного, но он не способен на это. Там, где Желтикова видит «в культуре постмодерна тенденции к размыванию и деактуализации образа смерти» [3, с.54], следует видеть последнюю отчаянную попытку устранить подлинное трансцендентное – смерть, заменив ее суррогатным имманентным. Попытку неудачную, лишь отчетливо демонстрирующую все бессилие современного общества сохранить имманентное перед лицом возвращающегося трансцендентного.

В этой связи абсолютно не случайным выглядит тот факт, что и Бодрийяр, говоря о подлинности смерти, говорит об экстремизме. Смерть подлинна тогда, по мысли Бодрийяра, когда она не может быть включена в процессы дарения – обмена. Когда она остается предельным горизонтом. «В захвате заложников и других подобных актах возрождается нечто завораживающее: для системы это одновременно и чудовищное зеркало ее собственного репрессивного насилия, и образец недоступного ей насилия символического, того единственного насилия, которое она не может осуществить, - ее собственной смерти» [1, с. 101]. Подлинная смерть в том типе насилия, который и получил название экстремизма. Тем самым, интерпретируя Бодрийяра, мы вновь приходим к экстремизму, возвращающему трансцендентное.

В этом контексте может быть проинтерпретирована и деструкция как потребность в разрушении привычного, устоявшегося, как отказ от любой структуры и иерархии, отказ от вопроса, в котором уже есть большая часть ответа, ведь «всегда должно было бы существовать право не отвечать» [2, с. 35]. Деконструкция и деконструктивизм являют собой возвращение трансцендентного в акте насильственного устранения системы и любых структур.

Здесь требуется некоторое уточнение, ибо деконструкция не может носить характер акта, положения, ибо в этом случае она образовывала бы структуру. Она может быть лишь в становлении, в постоянном свершении и отсутствии предвечного замысла того, к чему она должна привести. Деконструкция одной структуры не может иметь своей целью создание другой. Эта черта показывает нам чисто насильственную природу деконструкции.

Насилие не может иметь цели. Оно есть лишь свершение. Потому что насилие часто оборачивается против тех, кто дает ему свободу, наивно полагая, что насилие сможет остановиться, создав замысел субъекта насилия. Напротив, чтобы создать замысел, чтобы возникло ставшее, необходимо уничтожение насилия, отказ от него.

Факт возвращения в мир трансцендентного не может быть фактом второго уровня. Это по необходимости фундаментальное положение. Оно может сигнализировать лишь о качественной перестройке мира. Есть все основания полагать, что только теперь мы оказались способны увидеть подлинное начало постмодерна. Модерн привносит толпу и имманентное, постмодерн – возвращает трансцендентное. Не следует полагаться, однако, на то, что возвращение трансцендентного произойдет в тех формах, к которым мы привыкли. Нет, это уже не будет трансцендентностью Божества, трансцендентностью Истины, Трансцендентностью Власти. Речь теперь идет о трансцендентности оснований властного насилия. Трансцендентным становится насилие.

Признаем, что мы присутствуем на самой заре постмодерна. Наше время – эпоха, когда возвращение трансцендентного начало проявлять себя так, что его больше нельзя не замечать. Но начало этого мира ставит вопросы, важность которых нельзя игнорировать. Сегодня мы боремся с экстремизмом, но это оказывается борьбой с фундаментальной тенденцией, какова же должна быть в этой ситуации позиция человечества? Это вопрос первый. Вопрос второй касается того, каким будет человек, причастный трансцендентному, и каковы ориентиры общества. И, наконец, третий вопрос есть вопрос о том, дарует ли это трансцендентное будущее, или же его, судя по его проявлению в насилии, следует интерпретировать как начало финала?

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
2. Деррида Ж. Эссе об имени. М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998.
3. Желтикова И.В. Экстремизм и смерть в обществе постмодерна. //Экстремизм как социально-философское явление. Орел, 2008. С. 54.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003.
5. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1992.

References

1. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. Moscow, 2000.
2. Derrida J. an Essay about the name. Moscow, 1998.
3. Zheltikova I. C. Extremism and death in postmodern society. //Extremism as a socio-philosophical phenomenon. Orel, 2008.
4. Ortega y Gasset H. The revolt of the masses. Moscow, 2003
5. Heidegger, M. Time and being. Moscow, 1992.